

Живет в Новосибирске (Россия).

Оцифровка

Не смей оглянуться. Предательски жёлтым
штрихует внезапно ржавеющий август
пустые дороги, которыми шёл ты,
где солнце и ветер, и шелест дубрав густ.

Мечтать, но не верить в заветное завтра –
теперь уж на той стороне ойкумены,
где первое слово баюкает Автор,
где, все ещё живы, себе на уме мы

Рискнули проснуться с косыми лучами,
махали руками последнему стерху –
ах, как мы в хрустальное небо стучали!..
Кто снизу, кто сверху.

В ответ – только эха бескрайние мили:
мол, вон покатила звезда на тавро вам.
Не плачь, моя радость, о тающем мире –
он весь оцифрован.

Потерянный пиксель, птенец оригами,

хрустящие крылья с годами как ветошь,
остывшую землю босыми ногами
всё вертишь и вертишь.

Никто никогда

1.

Битый час, как зачахшею розой ветров
бредят гончие в кольцах Сатурна,
мы с тобой остаемся в ослепшем метро,
беспризорники мы, десантура.

Сквозь краплёное эхо никак напролом,
но залётная, будь ты неладна,
бледнолицая полночь встаёт на крыло,
намотала нам впрок Ариадна.

Вьются блики заманчивых гиперборей
в запыленных витринах Пассажа –
молча сдайся на милость и переболей,
на реликтовый сумрак подсажен.

Не блажи, не пойдут блиндажи на дрова,
крепче крепа созвездий короста,
и всего ничего – лишь конверт надорвать
и прощай, разлинованный остров.

Вместе скинемся – станет нам архипелаг,
и Мальдивы считай, и Споряды,
поднимая на флаг запыленный good luck,
восставая чуть свет из парадной.

Где выходишь в народ, понемногу живой,
завещая другим – да авось им
будет проще тащить свой ковчег гужевой
вещих песен, прописанных в осень.

2.

Хоть какую судьбину с весны замастырь –
к ноябрю, всё едино – сплывёт за мосты,
где в законе сквозняк ледовитый

беззастенчиво крошит асфальт и гранит,
мой хороший, хоть тысячу слов оброни –

пропадут ни за грош. Не дави ты

не согласные буквы – хоть чем их секи,
только нам не с руки забивать в косяки
безударные сны на панно там,

где кислотный залив, сам себе падишах,
бронзовеет бесстыдно в чужих падежах
помертвевшей воды, как по нотам.

Всё едино – небесный смотрящий де Сад
нас на пару отправит в последний десант –
сколько можно сидеть взаперти, но

позывной твой, запальчиво отшелестев,
не взметнётся искрою на жёлтом листе –
сорван голос. Не плачь, Робертино.

По охрипшим звонкам двери не нумеруй,
пусть последнее дело краснеть на миру,
пусть настырно теряю ключи я,

пусть не ссудят тепла ни Сенат, ни Синод
но последняя страсть не сорвавшихся нот –
колыбельная. Santa Lucia.

3.

Засыпай же. Большой засыпает проспект
белым шумом почти тополиным –
ни закат не распят, ни рассвет не распет,
но не время читать тропари нам.

Пусть вовеки серебряных век не поднять,
не вписавшись в чужие полотна,
но бывало, по-братски подбросишь огня –
и вскипит под асфальтом болото.

Здесь фехтуют с тенями вслепую, сиречь
в пику всем словарям и канонам
вольно льётся под камень невольная речь,
только нам не дано. Не дано нам.

Город гулких чернильниц и метких тавро,
пядь за пядью по памяти сдан ты,
тонет ветренный шепот в колодцах дворов,

то не дремлют стихи-секунданты.

Рифму на посошок не сотрёшь в порошок,
льнут к колоннам покладисто ростры –
Никогда?.. Никогда. Хорошо?.. Хорошо.
Вряд ли в сумерках дело – да просто

ниоткуда никто умирать не пришел
на Васильевский остров.

Здравствуй, Бог

Ну, здравствуй, Бог. Молиться не проси,
скажу, как есть – к чему мне эта осень?
Таких, как я, немало на Руси,
не нужных вовсе,

не годных ни на бал, ни на убой,
себе не близких и чужих друг другу.
Смотри, смотри – с закушенной губой
бредём по кругу.

Рассвет теперь страшнее, чем закат,
за сумерки готовы разориться,
пока ты наблюдаешь свысока,
чем в этот раз закончится «зарница»,

пока рисуют пули вензеля
и плачут дети: Боженька, помилуй...
Их страх устала впитывать земля,
а смерть, смеясь, вальсирует по миру.

Что ж мы? Покорно глядя в монитор,
считаем дни и ждём дурные вести –
не то скамейка запасных, не то
груз двести.

Пока сплошной отделены двойной
от плачущих теней на пепелище,
предчувствие войны грозит войной.
Мы потерялись, нас никто не ищет.

Без плащ-палаток, ружей и сапог,
идём на свет в ошмётках ржавой пыли,
чтобы успеть сказать – спасибо, Бог.
За то, что – были.

Лада Пузыревская. «За то, что - были»

Автор: Оргкомитет
09.10.2014 11:15

